

Вопрос-ответ

*Черноградия
духа*

«Почему не выходит московская «Новая газета»? Я всегда старался ее покупать, а теперь, говорят, ее «придушили» из-за пермского приложения к ней». С. Федоров, программист.

— Как нам сообщили в Пермской Розпечати, московское издание «Новой газеты» действительно не поступало одно время в Пермь, потому что редактор местного вкладыша **Е. РУКИН** был арестован и находится под следствием. Но теперь с популярным столичным изданием вновь заключен договор, и с марта «Новая газета» будет распространяться в Перми. Правда, уже без местного приложения. Добавим, что Е. Рукин попал за решетку еще за «старые» преграждения, по делу о растрате и злоупотреблениях служебным положением, когда руководил телекомпанией «Рифей-ТВ». Как говорится, следствие покажет, насколько тяжелы эти его преступления. А вот что касается реакции пермских СМИ на эту скандальную и очень показательную историю, — тут многое удивляет. Споры нет, Е. Рукин

Взгляд из ямы

Когда я захожу на свое рабочее место, то привычно успокаиваюсь. Вверх налево — занавес, за ним скрыта сцена, вверх направо — зрительный зал. Когда начинается действие, здесь, в оркестровой яме, продолжается жизнь между артистами на сцене и зрители общаются между собой с помощью поклонов и аплодисментов, а оркестр, как фонограмма, без которой не обойтись, буднично совершает свой ежевечерний подвиг.

«Мне страшно не нравится, что ты поэт...»

Играя в яме, артист чувствует себя внутренне даже более комфортно, чем на сцене. С одной стороны, ему не скучно, как на репетиции, он собран, ответственен и взволнован, как в концертном исполнении, но с другой стороны — на него никто не смотрит, можно спокойно побыть с музыкой наедине.

О чем думает музыкант во время работы? «О пустяках... О модах о парижских...» — как Розина из «Севильского цирюльника». Многоплановое мышление — способность каждого артиста. Иногда, параллельно с исполнением сложнейшей партии, мысль уводит далеко за пределы происходящего.

Когда я смотрю на зрителей, чьи увлеченные взгляды надо мной и мимо меня устремлены на сцену, то мысленно уникальным голосом Татьяны Дорониной задаю им вопрос: «Любите ли вы театр? Любите ли вы его, как люблю его я?..»

Когда я смотрю вокруг, то вижу своих коллег, думающих каждый о своем. Одни играют хорошо, другие не очень, но все они приходят сюда вопреки вечному желанию все бросить. Потому что этой профессией не заработаешь на хлеб, и скоро ее впору будет занести в Красную книгу. Потому что бюджет оркестра отвечает только одной заповеди художника: талант должен быть голодным.

Быть может опера перестала быть одним из самых популярных видов искусства? Или городу не под силу содержать один-единственный симфонический оркестр? Остается

только мечтать об эпохе Возрождения, когда в одной только Венеции работали одновременно (!) шестнадцать оперных театров...

Тяжелые времена переживает не только профессия музыканта, я говорю о профессии вообще. Непонятное направление нашей экономики ведет к уничтожению этого престижного прежде понятия. Оно заменяется более навязчивым: иметь работу. Работа — это заработок, это то, что можно обменять на товар. Профессия — это образ жизни, его сменить трудно, поэтому постепенно она превращается в хобби. Это значит, что-то для души. Результат — артисты приходят на спектакль после рабочего дня, проведенного в борьбе за существование. Приходят на свою третью или четвертую «работу» (иметь только две сейчас уже не модно).

Но это, как говорится, одна сторона медали. Известно, что в классическую эпоху музыкальное мышление как профессионалов, так и потребителей искусства было более развитым. Услышав на премьерах сочинений Моцарта или Гайдна какую-нибудь необычную модуляцию или интересное соло духового инструмента, слушатели могли разразиться аплодисментами, не дожидаясь окончания части. Это характеризовало тонкость и искушенность слушателя того времени. Ему не нужно было дожидаться оценки критиков, чтобы высказать собственное мнение.

Более чем полуторавековая деградация музыкального мышления

— процесс не местный, а общечеловеческий — привела к значительному обеднению художественного восприятия общества. Результат — сломанные жизни художников, торжества посредственностей под аплодисменты не умеющего оценить зрителя.

С высоты прочно расшатанной системы ценностей человек почти втемную решает судьбу другого человека. В музыкальном мире это выглядит примерно так. Артист предлагает свое искусство (это не забава, а выстрадавшее дитя!). Судья, не имеющий творческих талантов, но преследующий самые разнообразные цели, говорит, что это — плохо. Остальные ценители, играющие роль присяжных, неуверенно высказываются — хорошо! И то и другое недоказуемо. Разыгранная рядом с искусством трагикомедия заканчивается расстановкой сил не в пользу таланта.

Иногда музыканты жалеют, что искусство — не спорт. В нем нет неоспоримости секунд и поражений. Есть очки, выросшие на отношениях и эмоциях, мимо истины, которая оказывается не основной целью.

Что же дальше? А дальше — инстинкт матери, желающей уберечь детей от боли. От такой профессии, например... Знаете, как у Есенина: «Мне страшно не нравится, что ты поэт...»

**Людмила
ИВОНИНА**,
заслуженная
артистка России.

